

Фатхуллин Артур Айратович

ФОЛЬКЛОР КУРГАНСКИХ БАШКИР: СВОЕОБРАЗИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В статье рассматривается вопрос об изучении фольклора башкир Курганской области. В этой связи дается обзор и анализ работы фольклорных экспедиций, организованных научными и учебными заведениями Республики Башкортостан. Анализируются и материалы фольклорной экспедиции в Сафакулевский и Альменевский районы Курганской области в июне 2016 года, руководителем которой является автор данной статьи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-4/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 4. С. 52-56. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

LITERARY AND PUBLICISTIC HERITAGE OF F. D. KRYUKOV: THEMATIC ANALYSIS

Smirnova Evgeniya Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Volgograd State University
eugeni-sm@mail.ru

The article analyzes the creative work of Don writer F. D. Kryukov, the founder of "Don collection" in the Russian literature and journalism. The paper identifies the creative principles and the elements of writer's literary craft considering the meaningful, functional, audience characteristics of mass media within the social-political and historical-literary space. The author proposes her original periodization of F. D. Kryukov's creative activity, identifies the factors determining the choice of publication's theme and idea, and concludes that the documentary and autobiographical nature of the narration promoted the development of panoramic worldview and involvement of the audience into the dialogue on the relevant problems of modernity.

Key words and phrases: F. D. Kryukov; creative method; themes of creative work; periodization; autobiographical nature; publicistic genres; Cossacks; essayism.

УДК 398(747)Ф27

В статье рассматривается вопрос об изучении фольклора башкир Курганской области. В этой связи дается обзор и анализ работы фольклорных экспедиций, организованных научными и учебными заведениями Республики Башкортостан. Анализируются и материалы фольклорной экспедиции в Сафакулевский и Альменевский районы Курганской области в июне 2016 года, руководителем которой является автор данной статьи.

Ключевые слова и фразы: фольклор; экспедиция; башкиры; монография; территория; песня; легенда; эпос; народ.

Фатхуллин Артур Айратович, к. филол. н., доцент
Башкирский государственный университет (филиал) в г. Бирске
tifuf@mail.ru

**ФОЛЬКЛОР КУРГАНСКИХ БАШКИР:
СВОЕОБРАЗИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Исследования выполнены при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда и Академии наук Республики Башкортостан в рамках научно-исследовательского проекта «Фольклор курганских башкир (экспедиция)», проект № 16-14-02610 е(р).

Фольклор курганских башкир собран и изучен достаточно хорошо. Во второй половине XX века были организованы несколько экспедиций научными и учебными заведениями Республики Башкортостан.

Нужно отметить, что первая научная экспедиция была организована еще в первые десятилетия советской эпохи. Башкирская комплексная экспедиция (1928-1932 гг.) проводилась с целью изучения хозяйственной и культурной жизни Башкирского края и определения производственных возможностей региона. Общее руководство осуществляла Башкирская комиссия, где председателем был назначен всемирно известный антрополог, историк, этнограф С. И. Руденко (затем А. Х. Завадовский и Ю. К. Крауберг).

В январе 1928 года были организованы 17 отрядов, куда вошли более 100 ученых из Башкортостана разных отраслей. Фольклорно-лингвистическим подотрядом одного из таких специализированных отрядов руководил ученый с мировым именем, тюрколог и башкировед Н. К. Дмитриев. Перед его исследовательской подгруппой (Х. Билялов, Г. Я. Давлетшин, Н. Исанбет, З. Ш. Шакиров и др.) была поставлена основная цель – изучение диалектных особенностей башкирского языка в Тамьяно-Катаевском, Аргаяшевском и Месягутовском и др. кантонах. Экспедиционная подгруппа охватила и часть современной территории Курганской области. Один из ученых – Закир Шакиров записал башкирские протяжные песни, байты, местные свадебные обряды, а затем систематизировал и проанализировал устное народное творчество курганских башкир. Так началось изучение башкирского фольклора в стране курганов научными экспедиционными группами.

В 1959 году под руководством А. Н. Кириева была организована отдельная фольклорная экспедиция, которая охватила более 30 башкирских деревень в трех районах (Сафакулевский, Альменевский и Щучанский) Курганской области. Был собран и проанализирован огромный фольклорный материал курганских башкир. Путевые записи Кириева Мэргэна (А. Н. Кириев) «Среди яланкатайских башкир» [7] до сих пор являются одним из популярных изданий по башкирскому народному творчеству.

Большой вклад в изучение фольклора курганских башкир внесла экспедиция 1970 года под руководством известного башкирского фольклориста Салавата Галина. В работе экспедиции принимали участие сотрудники Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР.

Самобытный музыкальный фольклор курганских башкир был собран экспедицией 1983 года, организованной Уфимским государственным институтом искусств и возглавляемой Фаритом Камаевым. Большая

часть сотрудников, принимавших участие в работе экспедиции, были специалистами по музыкальному фольклору. В составе экспедиции активное участие принимал Рашит Шакуров.

В 1997 году в Курганскую область была направлена комплексная экспедиция Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук (ИИЯЛ УНЦ РАН). В состав экспедиции вошли антрополог Р. М. Юсупов, этнографы М. М. Муллагулов и З. И. Миннибаева, диалектолог Э. Ф. Ишбердин, известный фольклорист, профессор А. М. Сулейманов (руководитель) и др. Материалы были собраны в 15 деревнях и селах Сафакульского и Альменевского районов. По результатам экспедиции в 2002 году была издана монография «Курганские башкиры: историко-этнографические очерки» [8].

Вклад в сбор и изучение устного фольклора курганских башкир внесли и экспедиции, организованные преподавателями (во главе студенческих групп) Башкирского государственного университета. В трех экспедициях 60-80-х годов XX века был собран достаточно богатый материал. Фольклорная экспедиция во главе с ассистентом кафедры башкирской литературы Ануром Вахитовым и группой студентов башкирско-русского отделения в 1961 году работала в Учалинском районе БАССР, затем направилась в Курганскую область. Хотя географический охват экспедиции ограничился несколькими деревнями, был собран достаточно интересный материал по устному народному творчеству башкир.

Экспедиции 1985 и 1986 годов также внесли значительный вклад в сбор и изучение фольклора курганских башкир. Данные экспедиции были организованы кафедрой башкирской литературы и фольклора. Преподаватели и студенты Башкирского государственного университета были направлены в Сафакулевский, Альменевский и Щучанский районы и охватили большое количество деревень. Собранный материал в дальнейшем был использован во многих изданиях по устному народному творчеству башкир [2; 3; 4; 5; 6; 8].

Фольклорные экспедиции по сбору башкирского устного народного творчества в XXI веке стали осуществляться в основном за счет различных научных фондов. Основную роль здесь сыграл Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ).

Большая часть экспедиций проводилась на территории Башкортостана, а некоторые – за пределами республики, где компактно проживает башкирское население. Это в основном сопредельные регионы Республики Башкортостан. За последние 5-6 лет были организованы несколько фольклорных экспедиций: в Курганскую область (2010 г.) – руководитель Г. Р. Хусаинова, в Оренбургскую область (2012 г.) – руководитель Г. В. Юлдыбаева, в Пермский край (2013) – руководитель Г. В. Юлдыбаева, в Свердловскую область (2014) – руководитель А. Х. Давлеткулов, в Курганскую область (2016) – руководитель А. А. Фатхуллин (с преподавателями вуза и студенческой группой).

Фольклорная экспедиция 2016 года, организованная автором данной статьи, дала нам ясную картину состояния и сохранности фольклора курганских башкир.

Во второй половине XX века в Курганской области из уст информаторов было зафиксировано большое количество текстов устного народного творчества. В начале XXI века наблюдается исчезновение некоторой части местного фольклора, о чем свидетельствуют собранные нами материалы во время экспедиции 2016 года в Сафакулевском и Альменевском районах. Здесь, по нашему мнению, существует несколько причин исчезновения фольклора, особенно устного народного творчества, из памяти народа. Одной из основных причин является уход знатоков местного фольклора из числа старшего поколения. Второй причиной является языковая среда местных жителей. Во многих населенных пунктах более молодое поколение не говорит на башкирском языке в связи с исчезновением в школах обучения родному языку. Соответственно, они не могут переять своевременно изустное народное наследие в оригинале у старшего поколения. Третьей причиной, скорее всего, стала массовая урбанизация и ассимиляция башкирского населения края. Возможно, есть иные исторические, социальные и ряд других причин.

Во втором десятилетии XXI в. в памяти курганских башкир из изустного народного творчества сохранились в основном народные песни, частушки, легенды, сказки, загадки и поговорки. Еще во время экспедиций 50-80-х годов XX века было записано несколько крупных текстов башкирских эпических памятников в вариантах курганских башкир (эпосы «Кудыйкупеч и Маянхылу», «Таргын и Кужак» и др.). Эпические памятники в те годы были записаны в основном из уст информаторов старшего поколения. Например, в 1959 году Кирэй Мэргэн текст эпоса «Кудыйкупеч и Маянхылу» записал у 118-летней Бадернисы Афлятуновой, жительницы деревни Сарт-Абрашево Сафакулевского района. В 1985 году тот же эпос в другом варианте был зафиксирован Ахметом Сулеймановым из уст 73-летней Махифайрузы Казнабаевой – уроженки деревни Байгана Альменевского района. Молодое поколение в те времена также являлись хранителями крупных эпических памятников. В 1959 году эпос «Кудыйкупеч и Маянхылу» был записан фольклористом Нигматом Шонкаровым из уст ученика седьмого класса Бариса Давлетшина в деревне Бакаево Сафакулевского района. Во время экспедиции в июне 2016 года нам не удалось найти знатоков башкирского эпоса. Местные жители объяснили это тем, что в крае не осталось хранителей эпосов из числа старшего поколения.

Многие башкирские народные песни до сих пор сохранились среди курганских башкир. Отдельных исполнителей известных башкирских народных песен, особенно протяжных, в крае осталось не так много. Теперь их в основном объединяют фольклорные коллективы («Бэхэт», «Абултай килендэр», «Афарин», «Дуслык», «Ахирэттэр», «Ляйсан» и др.). Эти коллективы выступают на мероприятиях не только своей области, но являются частыми гостями Башкортостана на различных фольклорных и других фестивалях, праздниках. Немаловажную роль в популяризации башкирских народных песен играет областной фестиваль башкирской культуры «Сынрау торна» («Поющие журавли»), который состоялся 12 раз в различных населенных пунктах края.

Во время экспедиций прошлого века в крае были записаны многие башкирские народные песни («Шаура», «Уйыл», «Ашкадар», «Кахым турэ», «Тефтиляу» и др.), известные не только в Курганской области, но и во многих регионах России, где компактно проживает башкирское население. Были зафиксированы песни, которые характерны и распространены именно в этом регионе («Юлгилди», «Балакан», «Халил каскын» и др.).

Коллективы башкирского фольклора области активно ведут работу и по возрождению, пропаганде народных праздников, обрядов, обычаев. Также они восстанавливают забытые народные промыслы, собирают и восстанавливают башкирские народные костюмы с местными орнаментами.

Наша экспедиция встретила хранителей местных башкирских песен, которые ранее не были известны башкирской фольклористике. Жительница деревни Парамонова (ранее проживала в д. Яныауыл) 75-летняя Ракия Галимова исполнила песню «Юндуз», которая, по её словам, является очень старинной башкирской народной песней местного мотива. Встречались и другие народные песни, но, как ни странно, исполнители не смогли сказать точное их название.

В памяти курганских башкир сохранились многие легенды, связанные в основном с топонимией края. Большое количество таких легенд связано с происхождением названия озер, так как Сафакулевский и Альменевские районы области (на территории этих районов проходила наша экспедиция) часто упоминаются в научной литературе как «страна озер». Интересна легенда о происхождении названий двух озер – Бурекасқан и Буретушкэн в Альменевском районе. Одинокий волк часто нападал на скот местного населения. Волк был очень сильный и хитрый. Поэтому охотники долго не могли выйти на его след, не помогли и долгие засады. Однажды они вышли на след волка, долго за ним гнались на лошадях и прижали его к камышам одного глубокого озера. Волку и здесь удалось ускользнуть от людей. Охотники продолжали преследовать хищника. Утомленный зверь из последних сил добрался до соседнего озера, бросился в него и утонул. Таким образом, волк не хотел попасть в руки человека. Преследователи отдали должное храброму волку – не стали вытаскивать его из озера и сдирать шкуру. Озеро, где волк перехитрил охотников, стали называть Бурекасқан куль (в переводе означает «озеро убежавшего волка»), а где утонул – Буретушкэн куль (в переводе означает «озеро утонувшего волка»). Вскоре вдоль берега озера Буретушкэн появилась деревня с одноименным названием, которая, по словам Марса Султана, возникла примерно триста лет назад (деревня исчезла в 1976 году как «бесперспективная»).

Озера Торналькуль, Какторналы, Сарыторналы, Аксыу, Сарынгенсаз, Апсар, Кушкуль, Муртаза, Кумалта, Убалы, Тибес, Башкирской красавицы, Русской красавицы, Малый кулмэк, Большой кулмэк, Катайкуль, Ослокуль и др. – каждое имеет свою историю, свою легенду.

Легенды о происхождении многих деревень связаны с именами основателей деревень (Баязитово, Сулейман, Азналы, Байганино, Шарип и др.). Некоторые деревни берут своё начало от названий башкирских родов (Сарт-Абдрашево, Калмык-Абдрашево, Катай и др.), легенды которых не менее интересны. Наиболее полно нам удалось записать легенду деревни Абултаево Сафаклулевского района. Название деревни произошло от антропонима Абултай. Сама легенда привлекательна тем, что не только поясняет происхождение населенного пункта, но и лирично повествует о любовном сюжете молодого парня Абултая и девушки Айсылу. Такое редко встречается в легендах о башкирских деревнях, названия которых связаны с именем мужчины-основателя.

В ходе экспедиции собран достаточно богатый материал по фольклору и традиционной культуре башкир Сафакулевского и Альменевского районов Курганской области. Тщательная работа нашей экспедиции по густой географической сетке показала различную территориальную динамику этнокультурных изменений, происходящих в современной фольклорной традиции. Дальнейшая работа в этом направлении и исследование других населенных пунктов позволят составить целостную картину фольклора и традиционной культуры курганских башкир. Поэтому изучение современного состояния фольклора башкир Курганской области является актуальным и весьма перспективным.

Таким образом, достаточно велика роль фольклорных экспедиций в изучении духовной и материальной культуры народа. Сегодня становится совершенно очевидно, что своевременно организованные экспедиции внесли неоценимый вклад в сохранение фольклорного наследия башкир как Курганской области, так и других регионов Российской Федерации.

Список литературы

1. Алтынбаев Р. Р. Фольклор башкир-катайцев: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2013. 23 с.
2. Башкирское народное творчество. Богатырские сказки / сост. Н. Т. Зарипов; вступительная статья и комментарии Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова. Уфа, 1988. 448 с.
3. Башкирское народное творчество. Песни (дооктябрьский период) / сост., автор вступительной статьи и комментариев С. А. Галин. Уфа, 1995. 400 с.
4. Башкирское народное творчество. Пословицы, поговорки, приметы, загадки / сост., автор вступительной статьи и комментариев Ф. А. Надршина. Уфа, 1993. 464 с.
5. Башкирское народное творчество. Предания и легенды / сост., автор вступительной статьи и комментариев Ф. А. Надршина. Уфа, 1987. 573 с.
6. Башкирское народное творчество. Эпос / сост. М. М. Сагитов; коммент. Н. Т. Зарипова, М. М. Зарипова, А. М. Сулейманова. Уфа, 1987. 541 с.
7. Кириев А. Н. Среди яланкатайских башкир. Уфа, 1961. 182 с.
8. Курганские башкиры: историко-этнографические очерки. Уфа: Гилем, 2002. 216 с.

KURGAN BASHKIRS' FOLKLORE: THE SINGULARITY, PROBLEMS AND PROSPECTS OF STUDY

Fatkhullin Artur Airatovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Birska
tifuf@mail.ru

The article discusses the study of folklore of the Bashkirs living in Kurgan region. In this context, the paper provides an overview and analysis of the work of folklore expeditions, organized by scientific and educational institutions of the Republic of Bashkortostan. It also analyzes the materials of folklore expeditions to Safakulevskii and Al'menevskii Districts of Kurgan region in June 2016, led by the author of this article.

Key words and phrases: folklore; expedition; the Bashkirs; monograph; territory; song; legend; epos; people.

УДК 82

В данной статье анализируется религиозная символика романа Дона Делилло «Падающий», рассматривается характер изображения героини Лианны и ее способа выхода из кризиса после 11 сентября. За счет рассмотрения семантики круга в романе и ее влияния на структуру текста дается новая интерпретация финала романа, персонажей Кейта, Падающего и Хаммада. Делается вывод о трансформации после 11 сентября авторских взглядов на возможность существования человека в современном пространстве гиперреальности.

Ключевые слова и фразы: религиозный символ; кризис; семантика круга; гиперреальность; потерянности; осмысление; Д. Делилло; образ; финал; проблематика; травма; 11 сентября.

Филинова Ксения Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет
ks-ksesha@mail.ru

ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ: РЕЛИГИОЗНОЕ В РОМАНЕ «ПАДАЮЩИЙ» ДОНА ДЕЛИЛЛО

Творчество Дона Делилло чрезвычайно многообразно. Однако многие его романы объединены одной генеральной темой – человек в пространстве гиперреальности («Белый шум» (1985), «Мао II» (1991), «Космополис» (2003) и т.д.). Роман «Падающий» также развивает эту тему в изображении образа Кейта: герой переживает 11 сентября, выбирается живым из башни ВТЦ, однако, не находя в себе сил вернуться к обычной жизни, уезжает в Лас-Вегас, где растрчивает себя на игру в покер, потеряв счет времени и дням. Тема существования Кейта в пространстве бодрийровских симулякров – это тема отдельного разговора. В данной статье нам бы хотелось сосредоточиться на другом персонаже, по смысловой нагрузке не совсем характерном для романов Делилло, – на Лиане. За счет этой героини в романе «Падающий», написанном после 11 сентября («post-9/11 novel» в американской критике), появляется новый для романов Делилло вариант выхода из кризиса и за пределы пустыни реального – при помощи обращения к Богу, к религиозному познанию.

В этой связи чрезвычайно плодотворной является концепция, выработанная Джозефом Дьюи в книге «По ту сторону скорби и отсутствия: чтение Дона Делилло». Автор книги излагает, на наш взгляд, плодотворную концепцию о хронологическом делении творческого наследия писателя на пять периодов – этапов поиска собственной идентичности: отступление, неудавшийся контакт, исправление, искупление, воскрешение [2].

В хронологическом порядке роман «Падающий» будет занимать пятую позицию. В то время как характеристиками Кейта оказываются регресс и потеря идентичности, другой персонаж – Лианна вписывается в пятую стадию довольно легко.

В тексте романа сталкиваются три структуры, так или иначе основанные на системе запретов и правил и представляющие собой ритуал: терроризм, игра, религия. И если первые две соотносятся друг с другом как синонимичные конструкты (в данном случае терроризм не подразумевает под собой ислам), то религиозная система получает в тексте положительный заряд и репрезентируется как один из возможных ориентиров на пути выхода из кризиса после 11 сентября.

Однако все, что касается религиозной символики, предстает в тексте романа весьма запутанным. Библийские сюжеты наплывают друг на друга, перетекают один в другой, вступают в противоречия. Например, если рассматривать символику падающей башни, то прийти к однозначной трактовке на основе текста романа не представляется возможным: с одной стороны, падающая башня напрямую отсылает нас к ветхозаветному сюжету о башне Вавилонской, разрушенной Богом за грехи людские. С другой стороны, в повествовании Флоренс о своем спасении невозможно не уловить отсылку к ветхозаветному сюжету о Всемирном потопе и ковчеге Ноя. В рассказе Флоренс данная аллюзия выражена эксплицитно за счет включения упоминаний о воде и лодке: «я вдруг вымокла, до костей» [1, с. 40], «а где-то, словно ручей, текла вода» [Там же, с. 41], «Мы все были в одной лодке» [Там же, с. 43]. С точки зрения Флоренс, люди в башнях предстают не караемым, а избавляемым, избранным народом. Дополняет повествование Флоренс рассказ неизвестного мужчины в третьей главе о переходе реки («...и когда это случилось, все пошли по мосту в Бруклин, и я с ними. Они переходили реку, и я перешел» [Там же, с. 18]). Это упоминание перехода реки служит намеком на Исход израильтян из Египта и также передает значение богоизбранности спасающегося народа. Как видим, символ

Вавилонской башни вступает в противоречие с мотивом избавления, выраженным в аллюзиях к Ноеву ковчегу и Исходу. Также однозначной трактовке не поддается образ слепого мужчины с собакой-поводырем. По мнению Флоренс, «они были точно из Библии» [Там же, с. 43]. Однако слепота мужчины и вера в собаку – животное, трактуемое часто в Библии как нечистое, – создают диссонанс с библейским образом и, скорее, напоминают не ведение пастором за собой народа, а сцену из пьесы Мориса Метерлинка «Слепые».

Аллюзии, связанные с ангелами, работают по-разному в сознании Флоренс и Лианны. С точки зрения Флоренс, спускающиеся и поднимающиеся по лестнице люди отсылают к ветхозаветному сюжету о сне Иакова, в котором ему предстала лестница со спускающимися и поднимающимися по ней ангелами. Однако присутствие в повествовательном дискурсе Лианны отсылки к падшему ангелу – Люциферу («Господи ты Боже мой: это же падающий ангел, его красота ужасает» [Там же, с. 161]) вступает в противоречие с позицией Флоренс.

Все вышесказанное показывает, что религиозные символы в тексте не столько служат прямым указанием на тот или иной библейский сюжет, с присущим ему семантическим зарядом (богоизбранный/проклятый и т.д.), сколько за счет подобного смещения транслируют идею о невозможности осмыслить изменившийся мир в привычных категориях.

И все же в идейном поле романа спасение Лианны становится возможным за счет обретения религии и веры. Если повествование о Кейте – это история о неспособности вынести травму, то повествование о Лианне – это история о том, как травма может быть пережита и осмыслена.

Описание событий с точки зрения Лианны обусловлено ее инициацией, обращением к Богу. В отличие от Кейта, потерявшего способность к означиванию реальности после 11 сентября, Лианна, напротив, создает вокруг себя более засимволизированное пространство, во всем пытается увидеть скрытый смысл: в натюр-мортах Моранди, в открытке из Рима, в книге, «предвещающей» теракт. Поиски причины трагедии постепенно приводят Лианну к размышлениям о религии и, как следствие, к принятию единственно возможной причины трагедии – воли Бога. Балансируя на грани отрицания и принятия существования высшей сущности во вселенной, Лианна в конце концов смиряется с величием Бога, вследствие чего обретает силы для дальнейшего существования и приходит к осмыслению трагедии (здесь, пожалуй, стоит оговориться, что катализатором ее религиозных поисков становятся перформансы Дэвида Джениэка).

В начале романа Лианна предстает перед читателем неверующей, причем сознательно неверующей: «Но верить ей что-то не хочется. Бог докучал бы ей своим присутствием, отнял бы у нее силу... Ей хотелось только одного: задуть мерцающий огонек шаткой веры, пронесенный почти через всю жизнь» [Там же, с. 49]. Однако на протяжении романа этот огонек, напротив, разгорается с большей силой, и уже ближе к концу текста читатель застаёт Лианну в церкви. Ее внутренние монологи претерпевают изменение: «Не может быть, чтобы человеческая жизнь начиналась с жалкой мути наших выделений. С мути или со слизи. За жизнью должна стоять какая-то высшая сила, верховное существо, которое было, есть и будет вовеки» [Там же, с. 168], «Бог может проглотить ее. Бог растворит ее в себе, а она даже не воспротивится: слишком мала и кротка» [Там же, с. 172].

Церковь, в которой находила прибежище Розэллен С., становится опорой для выхода из кризиса также и для Лианны.

Истинность религиозной системы, в которой находит себя Лианна, и ее противостояние двум другим системам, также основанным на ритуале (терроризм и игра), может быть доказана за счет анализа семантики круга в романе. Эмблема круга в тексте появляется довольно часто: велосипедное колесо, стол для игры в покер, солнце. Кольцо как структурообразующий элемент композиции также важен в данном случае. Круг в тексте выражает собой мотив вечного возвращения и, следовательно, стагнации. В десятой главе наблюдается разрыв этого порочного круга Лианной: она осознает, что «Солнце – это звезда» [Там же, с. 136]. Переход от формы круга к незамкнутой форме звезды в сознании Лианны знаменует собой выход за пределы цикла вечного повторения и переход на новый этап осознания себя и мира (не случайно к концу романа Лианна замечает у себя седые волосы).

Далее порочный круг с перетекающими друг в друга началом и концом будет заключать в себе только двух персонажей: Кейта и Хаммада. В этой связи хотелось бы высказать одно довольно интересное, на наш взгляд, предположение: смерть Кейта можно расценивать не только с точки зрения символического погребения в пространстве гиперреальности, но и как реально свершившийся факт. В тексте намеки на его действительную смерть встречаются часто: «Он сам рухнул с северной башней» [Там же, с. 5], «Теперь он – призрак, ступающий по воздуху» [Там же, с. 44], «Поначалу она стирала его одежду отдельно, не клала вместе со своей в машину. Сама не понимала почему. Точно он мертвец» [Там же, с. 77], «невероятно, это же он в одной из башен, а теперь его рука сжимает ее руку, в тусклом свете экрана, сжимает, точно утешая после его смерти» [Там же, с. 99-100].

В третьей части романа пространство казино, в котором пребывает Кейт, может быть рассмотрено не только как пространство гиперреальности, но и как один из кругов ада.

Предположение о смерти подтверждает удивительное сходство биографии Кейта и Падающего: оба занимались актерской карьерой; оба умеют обращаться с альпинистским снаряжением; на момент смерти Падающему было 39 лет – возраст Кейта в год трагедии. Сцена чтения некролога Падающего, следовательно, может быть воспринята как окончательное принятие Лианной гибели Кейта.

Продолжая осмысление семантики круга, необходимо заметить, что в главе «В Гудзонском коридоре» линейная структура повествования Хаммада, противостоящая спиральному и анахронному повествованию остальных персонажей и определяющая собой неизменное движение к смерти, захватывает нарратив Кейта, «поглощает» его. Подобная контаминация, поглощение нарратива Кейта нарративом Хаммада, также могла бы служить свидетельством гибели не только второго, но и первого персонажа.